

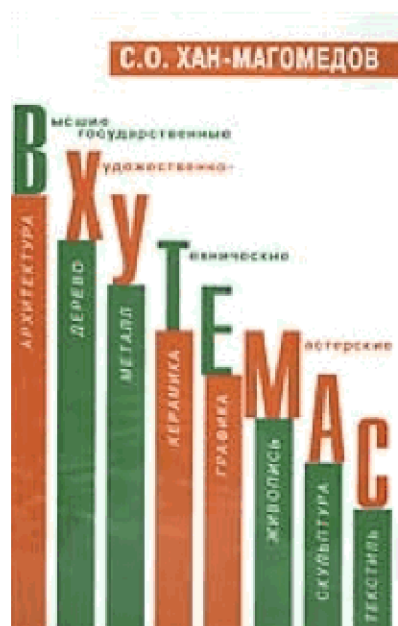
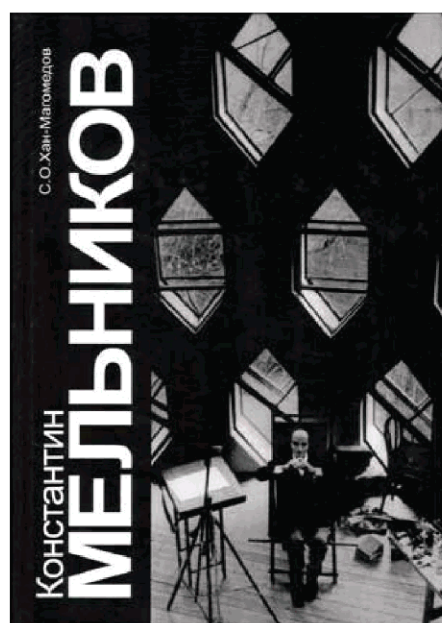
Н.Н. Александров **АВАНГАРД ВЧЕРА И ЗАВТРА**

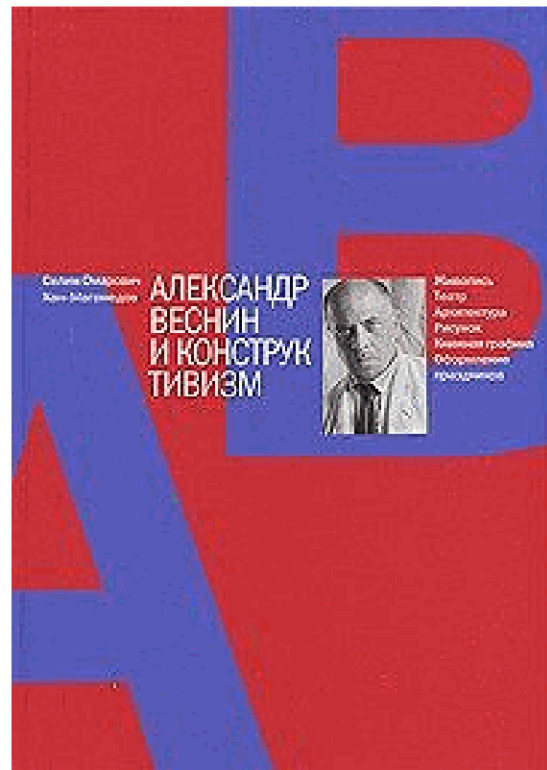
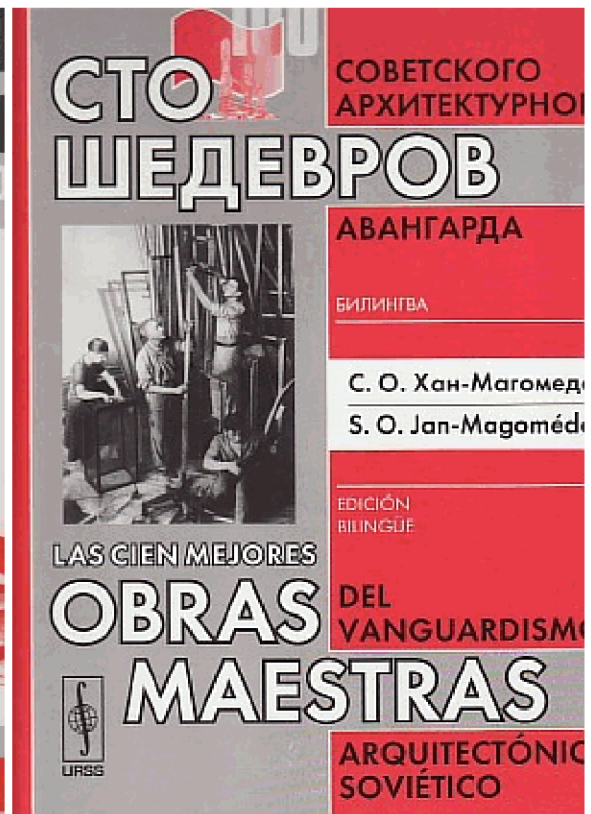
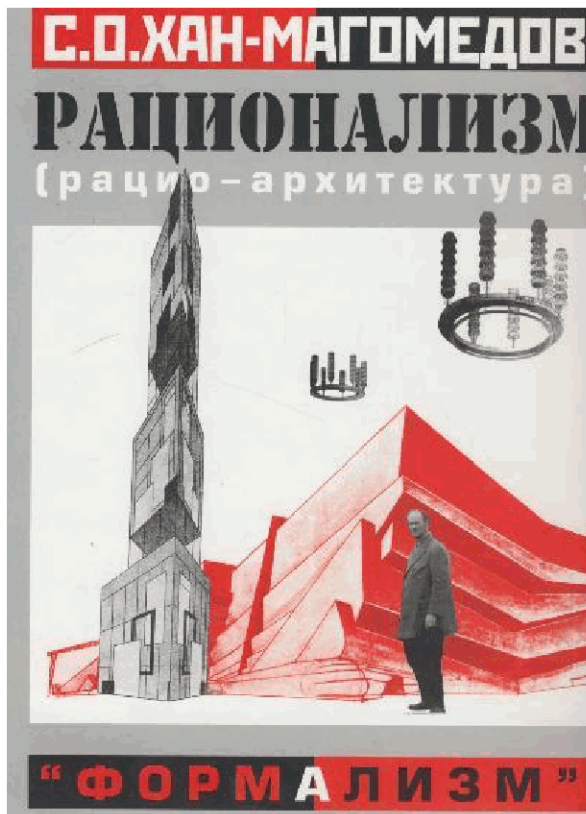
Статья третья

Между тем процветающий западный модернизм – источник стиля в дизайне, как назло, всеми корнями уходил в поиски авангарда конца XIX – первой трети XX века. Создалась забавная ситуация, когда самую животрепещущую информацию о нашем прошлом удавалось получать из критической литературы о западном модернизме с отвратительными по качеству черно-белыми иллюстрациями. Насколько это было возможно, доступ к архивам был затруднен всем, а уж периферийным ученым и интересующимся – и подавно. Власти вышли из этой ситуации уже привычным образом: появился ряд отфильтрованных официальных теоретиков, которые специализировались на обобщении, поиске и обработке материалов по «русскому авангарду». Это направление со временем оказалось престижным экспортным товаром даже в советское время. Близкие к закрытым архивам теоретики одну за другой публиковали на Западе монографии, а теоретики с меньшим уровнем допуска – в странах «народной демократии».

Среди них первое место занимал и продолжает занимать ныне покойный С.О. Хан-Магомедов. Нельзя не упомянуть и руководимый им отдел теории и истории ВНИИТЭ, который на эту тему достаточно долго и плодотворно работал. Не знаю, какое соотношение коллективного и личного труда было в этом бренде, но он автор 450 научных трудов, среди которых монографии, брошюры, статьи, в том числе в немалом количестве изданные за рубежом. Из его доступных ныне монографий можно перечислить: «Пионеры советской архитектуры», «Константин Мельников», «Дом-мастерская архитектора Константина Мельникова», «Пионеры советского дизайна», «ВХУТЕМАМ», «ВХУТЕМАС-ВХУТЕИИ», «Архитектура советского авангарда», «Сто шедевров советского архитектурного авангарда»,

«Конструктивизм – концепция формообразования», «Рационализм (Рационализм – формализм. Том 2)», «Супрематизм и архитектура», «Рационализм – формализм. Том 2», «Супрематизм и архитектура. Проблемы формообразования» и многое другое. О его личной трудоспособности ходят легенды: в целом им было опубликовано *более десяти обширных серийных «библиотек»*, и авангард – только одна из них. Он остается самым фундаментальным автором по этой теме, что в любом случае достойно восхищения. Знакомые, в том числе и не согласные с ним эмигранты, помнят его редкую человечность и терпимость.

Рис. 1. Незначительная часть написанного Хан-Магомедовым.

Мне как дизайнеру импонирует его вполне приличный «кирпич» (Хан-Магомедов С.О. Пионеры советского дизайна. М.: Галарт, 1995), построенный как подведение итогов длинной серии публикаций в журнале «Техническая эстетика» – там я эту работу фактически и прочел в студен-

честве и после, уже работая. Если бы этот том вышел в 1980-х, это была бы культовая книга моей студенческой поры. Кстати, в ГДР его первая большая книга «Пионеры советской архитектуры» вышла как раз в те времена, но нам она была недоступна. Книга о пионерах нашего дизайна была издана в 1995, и теперь интересна разве что только специалистам по авангарду и преподавателям – «что-то там о советской жизни и искусстве», как сказал мне один молодой дизайнер. Студентов эта тема явно не занимает, у них уже другие авторитеты, и по большей части – не наши.

Тем не менее, вклад группы авторов-поисковиков под эгидой С.О. Хан-Магомедова неоценим – он и его группа продолжают открывать имя за именем из того вычеркнутого периода. Они опубликовали уже приличную библиотеку о творчестве крупнейших архитекторов русского авангарда: Константина Мельникова, Александра Веснина, Николая Ладовского, Александра Родченко, Моисея Гинзбурга, Ивана Леонидова, Ильи Голосова, Андрея Бурова и многих-многих других. Это была подвижническая и довольно сложная исследовательская работа в советское время – по этой теме почти не было архивов, кроме личных. И если бы эти люди не спасли вовремя остатки многих личных архивов вымирающих авторов советского авангарда и конструктивизма в частности, мы бы имели сейчас почти полную пустоту. Наследники этих великих запросто сжигали и выкидывали архивы, как в свое время жгли прошлое во дворе нашего института. Евроремонт мозгов – это очень тяжелая болезнь, поразившая наших современников, а в советские времена ими двигал слепой страх и слепое невежество.

Птица Феникс – русская культура. Этот потрясающий процесс воскрешения из небытия – урок истории культуры, случившийся прямо на глазах у моего поколения. Невероятный расцвет первого периода, полное стирание культурного слоя, и его невиданное восстановление и прославление сегодня.. Период первой трети века фактически спасен этими людьми для нашей и мировой культуры. Он уже стал новым поводом для гордости, и акценты поменялись до неузнаваемости в том, что учат сегодняшние студенты.

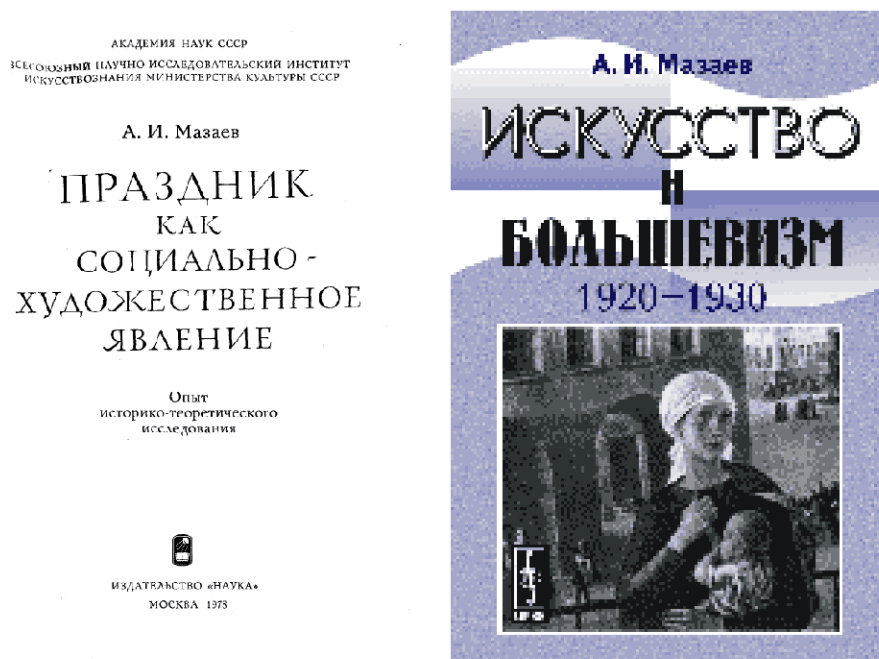
Достоин особого упоминания *вольный теоретик* Л.А. Жадова (вторая жена К. Симонова), одно время работавшая в Сенежской студии. Ее статьи и книги о 1920-х несли в себе нечто неуловимо артистическое, в них была живая наблюдательность и личное отношение. Я многое знаю именно из них, хотя потом появилась масса публикаций на те же темы. Лариса Жадова писала лучше, даже не всегда обладая достоверной информацией. Жаль, что ее не переиздают, поскольку ее книга (Zhadowa, Larissa. Suche und Experiment. Russische und sowjetische Kunst 1910 bis 1930. Dresden, VEB Verlag der Kunst, 1978) остается для меня одним из самых фундаментальных источников по многим темам русского авангарда. Насколько я понимаю, она смогла использовать немалый авторитет К. Симонова, чтобы в советском застое организовать ряд выставок и мероприятий по русскому модернизму.

Рис. 2. Обложка книги Л.А. Жадовой.

Что касается нашей темы, автор исследования о «производственном искусстве» А.И. Мазаев, видимо, защитил в советские времена диссертацию, опубликовал книгу-очерк (Концепция «производственного искусства» 20-

х годов: Историко-критический очерк – М.: Наука, 1975. – 270 с.) и дальше время от времени публиковал статьи, близкие к этой теме. А завершил он обращение к этой теме очень тяжелой книгой «Большевизм и искусство», вышедшей не так давно. Если прошерстить по этой теме диссертации сегодняшние, они куда более фундированные и детальные, но не такие отчетливо-обзорные, как первая работа А.И. Мазаева – она остается вполне сносным источником и по сей день. Я многое оттуда почерпнул и люблю к ней обращаться и по сей день. Хотя назвать ее исторически достоверной сегодня уже трудно – там много натяжек, часть из которых обусловлена цензурой, а часть – недостатком источников. Мазаев позже написал еще и книгу о праздниках, в том числе – первых послереволюционных праздниках, где раскрыл их особый культурный смысл. С ней я познакомился совсем недавно, она есть в интернете.

Рис. 3. Обложки книг Л.А. Мазаева.

Стоит отметить, что в 1970-х практически одновременно с работами перечисленных авторов выходит ряд книг по кино, театру, архитектуре, музыке, культурному строительству 1920-30-х. Судя по всему, это чьи-то диссертации, но уже из разных областей знания. Я их одно время коллекционировал, но они были обычно полупустые, а потом их поток и вовсе иссяк.

Принцип дозирования в этой специфической литературе был все тот же – немного правды, немного недомолвок и куча оговорок, почему все это было так интересно и затем подверглось тотальному уничтожению. Польза была разве что от опубликованных сборников документов по 1920-м годам, хотя их тоже тщательно фильтровали – и цензура и самоцензура.

Например, о взаимоотношениях Льва Троцкого с искусством во времена его пребывания у власти ничего узнать было просто невозможно. А ведь он был очень важной фигурой, талантливым организатором и критиком, его взаимоотношения с Сергеем Есениным и другими лидерами искусства того времени были весьма важным моментом интересующей нас истории. Многих из них потом уничтожали за одно знакомство с опальным Троцким, так же, как с Бухариным и прочими. У кого-то из известных людей искусства в воспоминаниях рассказано, что он нашел в книге обычную рабочую записку от Бухарина времен его редакторства в «Правде» – и человека начало трясти от ужаса, и трясло, пока он ее не сжег. Вот и говори после этого о сохранившихся источниках и архивах.

Но вернемся к нашей теме. Как я теперь понимаю, круг моих студенческих знаний был ограничен крайне малочисленными публикациями, до которых я к тому же еще и с трудом добирался – не хватало библиотечной культуры. Я и по сей день не провел в библиотеке больше получаса, работаю только со своей библиотекой. Поэтому то, что я тогда понимал – это была смесь своих впечатлений с редкими журнальными публикациями и еще более редкими книгами.

Свое обобщенное понимание я выразил в студенческой работе 1977 года в следующем тексте, с явными следами журнальных статей: «Если поначалу казалось, что возрождение 1920-х годов позволяет ответить на все новые вопросы «хрущевской оттепели» с ее яркими социальными и эстетическими иллюзиями, то очень скоро эмоциональная полемика 1960-х годов перешла в форму традиционного научного анализа, а полемизировать стало непопулярно, да и не о чем. Уже к началу 1970-х общий искусство-

ведческий интерес перемещается в сферу частных проблем и локальностей: более углубленно изучается фактический материал, появляются работы по критике 1920-х годов, монографии о творчестве отдельных художников, исследуются отдельные аспекты социологии, образования и культурной работы 1920-х годов. Обобщений стали побаиваться, поскольку этот исторический отрезок снова превратился в «фигуру умолчания», но уже по другой причине. Он вроде как и не был запрещен, однако интерес к нему и не поощрялся».

* * *

Кроме дизайна, причастным к нашему авангарду оставался небольшой островок «критики модернизма», от которого никак не получалось отмахнуться. Достойна упоминания пара книг типа Кукаркина А.В. «Буржуазное общество и культура», 1970; «По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология», 1974 и 1981 г.

Рис. 4. Книги А. Кукаркина.

Эстетические идеи в архитектуре, дизайне и изобразительном искусстве, в значительной степени трансформированные в практике западного модернизма, рикошетом возвратились как некие «новые» для наших проектировщиков в совсем другой одежде. Кстати, возвратились они во многом

потому, что ряд западных теоретиков и организаторов дизайна типа Томаса Мальдонадо придерживались левых взглядов и чем можно помогали нам.

Анализ взаимоотношения модернизма и проектирования был дан в работах В. Тасалова 70-х, а фактический материал был собран в коллективной критической монографии под редакцией Ванслова В.В. и Колпинского Ю.Д. («Модернизм. Анализ и критика основных направлений», – М.: Издательство: "Искусство", 1969, 1973, 1980, 1987). Она продается в интернет-букинистике до сих пор, хотя книга эта уже достаточно старая и местами очень идеологизированная (даже в последних редакциях). Но ничего другого, сравнимого по материалу и взглядам на многие поднятые там темы вроде бы нет, хотя теперь отследить и утверждать это трудно: издательств много и издается много чего, а я не узкий специалист в этой широкой теме – некогда. По частям можно найти практически все, это точно, но, как ни странно, некоторые имена и темы просто бесследно исчезли – то ли были случайными, то ли не вошли в искусствоведческий паноптикум навсегда.

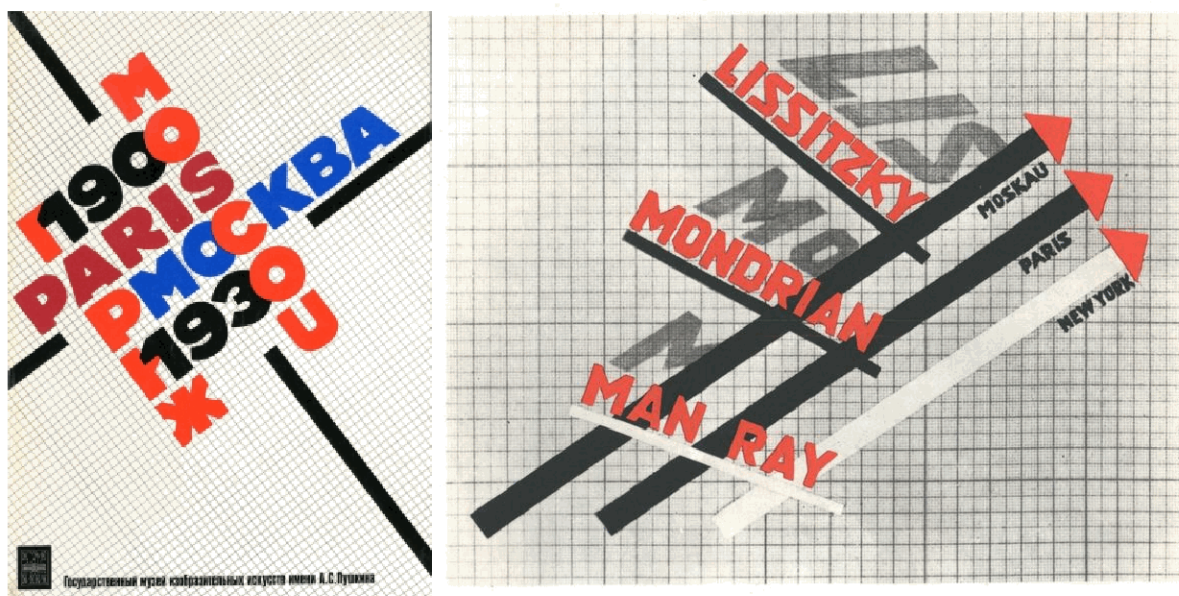
Рис. 5. Выпуски «Модернизма» разных лет.

Я опускаю совсем уж пустую советскую «критику», начинавшуюся для меня с Г. Недошивина – «Очерки теории искусства», А. Стойкова – «Критика абстрактного искусства и его теорий», Мих. Лифшица и Л.Я. Рейнгардт «Незаменимая традиция», и ее же «В защиту искусства» и т.д. Статьи

Рейнгардт о биенале, триенале и т.п. мы читали, скрипя зубами – как трудно видеть то, что хочешь, чужими глазами да еще с идеологическими шорами.

У меня сохранился десяток подобных произведений и более раннего периода, которые все у меня старательно собраны и проработаны. Вот только жаль времени, потраченного на их изучение, так как отделять зерна от плевел в этом месиве – это было не самое плодотворное занятие для молодого ума, но приходилось на безрыбье.

Когда я заканчивал свой дизайнерский институт, на выставке «Москва – Париж» в 1979–1980 году были опубликованы и показаны широкой публике ключевые произведения советского авангарда. Это означало конец старой истории, но еще не начало новой. Застой только подходил к концу и его как бы «пробовали на зуб». Он лениво сопротивлялся и слегка огрызался.

Рис. 6. Плакаты выставки.

Характерна в этом отношении позднесоветская работа Н.Я. Малахова (1986) «Модернизм», она уже тогда читалась как сухарь неразмачиваемый. Похоже, это был упрощенный и более популярный вариант коллективного «Модернизма». Значительная его часть содержит все те же идеологические ругательства, а курировали ее В.В. Ванслов, А.Я. Зись и И.С. Куликова – главные спецы по модернизму из нашего тогдашнего искусствоведения. И. С. Куликову я тоже читал, поскольку она автор книг «Сюрреализм в искусстве»,

1970, «Экспрессионизм в искусстве», 1978, «Философия и искусство модернизма» (2 изд., – М., Политиздат, 1980). Но ничего в памяти не отложилось – какая-то однородная тарабарщина.

Таким образом общая искусствоведческая картина того периода в целом скупа и безрадостна. Но чему-то можно было научиться и в ней. Все-таки не полная пустыня 1950-х, а кое-что.

Рис. 7.

С фундаментальной работой В.Ф. Маркова по истории русского футуризма мне познакомиться в свое время не довелось, поскольку она первоначально была издана на английском (в 1968 году), и на итальянском – (в 1973), а вот на русском – только на грани веков (Марков В.Ф. История русского футуризма. – СПб.: Алетия, 2000). Скорее всего, в сегодняшних книгах уже пересказаны все его мысли и основные факты, поэтому мне как-то и искать эту работу теперь не очень хочется. Но что касается темы Велимира Хлебникова, я тексты Маркова читал и в свое время, хотя их было не так много. Все-таки у филологов была своя андеграундная культура трактовок и ее уничтожить оказалось труднее, чем смыть дизайн и архитектуру.